

ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Дмитрий КОЛИСНИЧЕНКО

БЫЛ ЛИ ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН АНТИСОВЕТСКИМ ПИСАТЕЛЕМ?

Евгений Замятин — человек витиеватой судьбы. Родившись в небедной семье (отец его был священником, мать — артисткой), будущий писатель, как и многие молодые люди своего класса, проникся бунтарским настроением российского общества начала XX века, делая вид (да и, пожалуй, искренне веря), что понимает социалистические идеалы, и даже успел побыть в рядах большевиков. До событий 1917 года его несколько раз арестовывали. Он много путешествовал и писал.

Самый известный его труд, роман «Мы» (1920), часто называют антисоветским, что, мягко говоря, не совсем верно.

Если проанализировать раннее творчество (короткую прозу) Евгения Замятина, заметно, что он нередко пользовался приемом самоповтора, развивая одну и ту же проблему в нескольких произведениях. Его же антиутопию можно воспринимать как более глубокое осмысление темы, затронутой в повести «Островитяне», где писатель зло высмеивал нравы буржуазного британского общества.

Уехав перед революцией поработать инженером в Англию, он ругал местные нравы и порядки. Евгений Замятин не только критиковал тамошнюю однообразность жизни (сравнивал архитектуру с амбарами, например), но и едко проходил по религиозному лицемерию и общей духовной «механизации» общества, его косности и тотальной рациональности, за которой гибнут мысли и чувства.

Дмитрий Александрович Колисниченко родился в Киеве в 1982 году. Публиковал короткую прозу в журналах «Нева», «Ното Legens», «Урал» и «Волга». В 2007 году издал роман «На струе» (М.: Кислород), в 2017 году издал повесть «Последний экспресс» в соавторстве с Алексом Керви (Киев: Каяла), в 2018 году переиздал ее в России (Adaptec/T-ough Press).

Русских же в своих произведениях он рисует совершенно иначе: болезненно-импульсивными, страдающими, постоянно рефлексирющими. Согласитесь, все это никак не напоминает людей-номеров из его романа.

Показательными в понимании психологического восприятия русского человека также являются его повести «Уездное» и «Алатырь». Весьма схожие по своему духу вещи, завязанные, как и многие произведения автора, на любовном, «чувственном» контексте. Ознакомления с ними вполне достаточно, чтобы понять: «Мы» не мог быть списан с собственного народа.

Интересно, что, например, Александр Солженицын даже обвинял Евгения Замятина в русофобии. Что тоже не является правдой. Писатель рисует жуткие картины именно «России, которую мы потеряли». Люди тут — жертвы протухшей, разлагающейся эпохи, превращающиеся в жестоких беспринципных животных на фоне абсолютно безвыходных обстоятельств. Чем ниже они падают, чем душнее дышать, тем извращеннее и извортливее они себя ведут, разрушая уныние и скуку вселенскими терзаниями и бессмысленной кровью. Тотальная деградация и нравственный упадок чувствуются на физическом уровне. Грязь, коррупция, разврат — главные действующие лица его предреволюционной прозы.

Нет, русские люди у Евгения Замятина совершенно не похожи на тех, кого он станет изображать всего через несколько лет в своей главной (как принято считать) работе.

У нас «Мы» со старта начали критиковать, однако делали это не власти, а коллеги по перу. Профессиональная конкуренция, так сказать. Если вы считаете, что за прошедшую сотню лет люди (и литераторы вместе с ними) как-то изменились, а методы стали справедливее и попросту честнее, я могу только позавидовать вашей наивности. Впрочем, частично вопрос с этими «рьяными» товарищами был решен к 1937 году.

Евгений Замятин поддержал революцию и полностью принял новую власть. Дружил с Максимом Горьким. Плодотворно участвовал в литературной жизни. Сперва едва не оступился: искренне увлекшись антивоенной мыслью, он не до конца прочувствовал суть развязанной белыми гражданской мясорубки, выступая на позициях глупого пацифизма. Впрочем, наказывать его не стали.

Ранее его ярким социально-политическим манифестом стала повесть «На куличках» (1913), за которую Евгений Замятин попал в ссылку. Он рисует все моральное разложение армии. Идет оно сверху, а солдаты и офицеры, терзаемые у китайской границы собственными бесами и бездельем, попросту пытаются не сойти с ума. Для этого приходится идти на самые мерзкие ухищрения — блуд и пьянство, а единственным выходом из всего этого вязкого кошмара оказывается самоубийство.

После революции по наветам недоброжелателей его пару раз пытались (в отличие от прошлых времен — безрезультатно) «репрессировать». Было это еще до образования СССР. Сам писатель заверял, что политикой не занимается — только художественной литературой. Летом 1922 года после очередного доноса его хотели наказать за публичные чтения «Мы», но следствие, несмотря на все еще лихое время, не обнаружило в романе ничего крамольного.

Повторюсь, тот факт, что антиутопия так и не была напечатана в СССР при жизни автора (хотя без последствий для него издавалась в США и Европе), можно объяснить скорее негативным отношением к Евгению Замятину со стороны «соратников по цеху», чем какой-то реальной цензурой. Страшная советская «репрессивная машина» в своем обхождении с ним выглядела весьма добродушной и какой-то плюшевой.

Учитывая контекст эпохи, можно даже утверждать об обратном: Евгений Замятин, желая влиться в новую социалистическую литературную действительность (наверное, свято веря, что при ней люди волшебным образом изменятся), целенаправленно написал (и публично декламировал) «Мы» именно как критику буржуазного общест-

ва, которое неминуемо приводит к крайней форме тоталитаризма, буквально вытравливая из людей все человеческое, превращая их в механизмы из крови и плоти. Как было сказано выше, данные вопросы, пускай и не столь драматизированно, ранее он уже затрагивал в «Островитянах».

Говоря грубо, если проблему российского общества писатель видел в крайней и безудержной эмоциональности, то Запад (на примере тех же англичан) пугал его именно автоматизированным, доведенным до некоего религиозного культа отсутствием эмпатии.

То, что Англия (Запад) — это «механизированный ад», Евгений Замятин доносит и через свою пьесу «Блоха». В ней, как теперь кажется некоторым, он неслестно отзывается о русских (тогда уже советских) людях, что никак не помешало ее постановке в СССР.

Его продолжали печатать, а главным покровителем писателя стал (какая неожиданность) Иосиф Виссарионович, который поддерживал Евгения Замятина даже после того, как тот попросился в эмиграцию. Паспорт СССР он не сдал. Живя на чужбине, вернулся в Союз советских писателей и даже делал вид, что активно поддерживает борьбу трудящихся за свои права во Франции и заодно во всем мире.

Напрашивается простой вопрос: если советская власть была столь кровава и «выжигала» всякое инакомыслие каленым железом, почему Евгений Замятин не просто не был репрессирован, но и умудрился выстроить при ней неплохую (в том числе и политическую, несмотря на то, что в политике он якобы не участвовал) карьеру? Ну а то, что писатель наивно понимал социализм как-то по-своему, было, извините, его личной проблемой. Что он, собственно, и не отрицал.

Разумеется, Евгений Замятин не был советским писателем. События 1917 года стали для него скорее шансом ворваться в большую литературу (что было невозможно при реальной цензуре в царские времена), которым, несмотря на все проблемы, он все же воспользовался.

Возможно, Евгений Замятин и сам осознавал, что со сменой экономического базиса люди, которых он столь точно препарировал, мало изменились. Тем более персонажи из новой писательской элиты, в которую массово пошли ушлые приспособленцы. Внутривидовую борьбу им, как ему тогда казалось, он проиграл. После чего и решил уехать.

Евгений Замятин, как и его герои, слишком много рефлексировал. Задолго до революции писатель понимал (или просто остро чувствовал), что «так жить нельзя». Но какой должна быть новая жизнь, он не знал. Однако его ранняя проза является весьма точным зеркалом эпохи, в котором можно увидеть не только внешние, но и внутренние предпосылки грядущей революции.